

Гончарова Ю.В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ С ДИСКОВИДНЫМИ ПСАЛИЯМИ В СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНАХ ЕВРАЗИИ

Goncharova J.V. Some aspects of the interpretation of the burials with disk cheek-pieces on the steppe and forrest-steppe territory of Eurasia.

On the case of discoveries of monuments of the middle – beginning of the late Bronze Age on the territory of the South Urals, Northern Kazakhstan and of the region between rivers Volga and Don (for example, Sintashta, Arkaim, Potapovsky cemetery etc) there are many vast discussions among scientists. One of the main topics of these discussions is meaning of the so called institute of «chariot's aristocracy». This institution is usually connected with elitarian burials with traces of chariots and finds of disk cheek-pieces.

Up to now it's not clear what was the motive for appearance of such monuments. Was this motive the system of mass migrations or it was the revolutionary birth of a new society on the basis of preceding cultures with united system of the elite? This article is devoted to decision of this problem. The investigation is based on the analysis of these burials under three parameter's: ceramics, disk cheek-pieces and burial customs.

After the analysis of the material the author comes to some conclusions. At first, there are two traditions in production of ceramics and of making the disk cheek-pieces (with monolithic and insert thorns) in the Sintashta and Pokrovka cultural types.

In the second place, both these traditions are joining up by one temporal phenomenon. This phenomenon is expressed in total system of burial customs. May be, it was originated from the total world outlook, which appeared on this territory at the end of the Middle Bronze Age.

The author notes, that we haven't enough data to find the most earliest monuments, from which this tradition begins. But on the basis of different indications of the ritual (accompanying burials of horses, finds of chariots and cheek-pieces etc) the author concludes that the most integrity burial customs we find in monuments of Sintashta and Petrovka cultural types. This tradition spread during the short time period to the neighboring western territories from these cultural types. Here this tradition simplifies and became more votive traits (for example, instead of the whole horse skeletons – only skin of animal, instead of chariots with harness – the harness only, etc.), and absorb the local traditions, which affected on the most territorial mobile indication – ceramics. But it doesn't mean the change of bearers of this tradition, which was in that case the military elite.

За последние несколько десятков лет на территории степи и лесостепи Евразии был открыт ряд ярких памятников, относящихся к периоду средней и начала поздней бронзы. В связи с ними были выделены новые культурные типы (синташтинская, потаповская, покровская и др.), которые помогли упорядочить культурно-хронологическую систему указанного региона. Безусловно это породило и ряд новых вопросов, решение которых вызывает сейчас обширную дискуссию.

Одна из наиболее значительных тем этой дискуссии – институт так называемой «колесничной аристократии», который связывают с социально ранжированными погребениями со следами колесниц, распространенными на территории Южного Зауралья, Северного Казахстана и Доно-Волжской лесостепи (Синташта, могильник Берлик, Кенес и др.) и находками дисковидных псалий с шипами. Наиболее полный анализ этого материала провел В.С. Бочкарев в своем докладе на Эрмитажных чтениях, по-

священных памяти Б.Б.Пиотровского в 1998). Далее мы будем обращаться к данным как этого доклада, так и к некоторым другим работам этого автора.

Кроме того, достаточно остро сейчас стоит вопрос о культурно-хронологическом и географическом соотношении выделенных типов археологических культур. Так как их типологические признаки достаточно близки, то остается неясным, стали ли причиной возникновения этих памятников массовые миграции (Синюк 1996: 209; Отрощенко 1998; Пряхин и др. 1998; Кузнецов 1996), или же это было отражение формирования нового общества на базе прежних культур (катокомбной культуры, полтавкинской культуры и т.д.) с системой единой элитарной общности, что хорошо, во всяком случае визуально, прослеживается на примере социально значимых погребений.

Насколько это визуальное сходство, основывающееся в основном на предметах конской

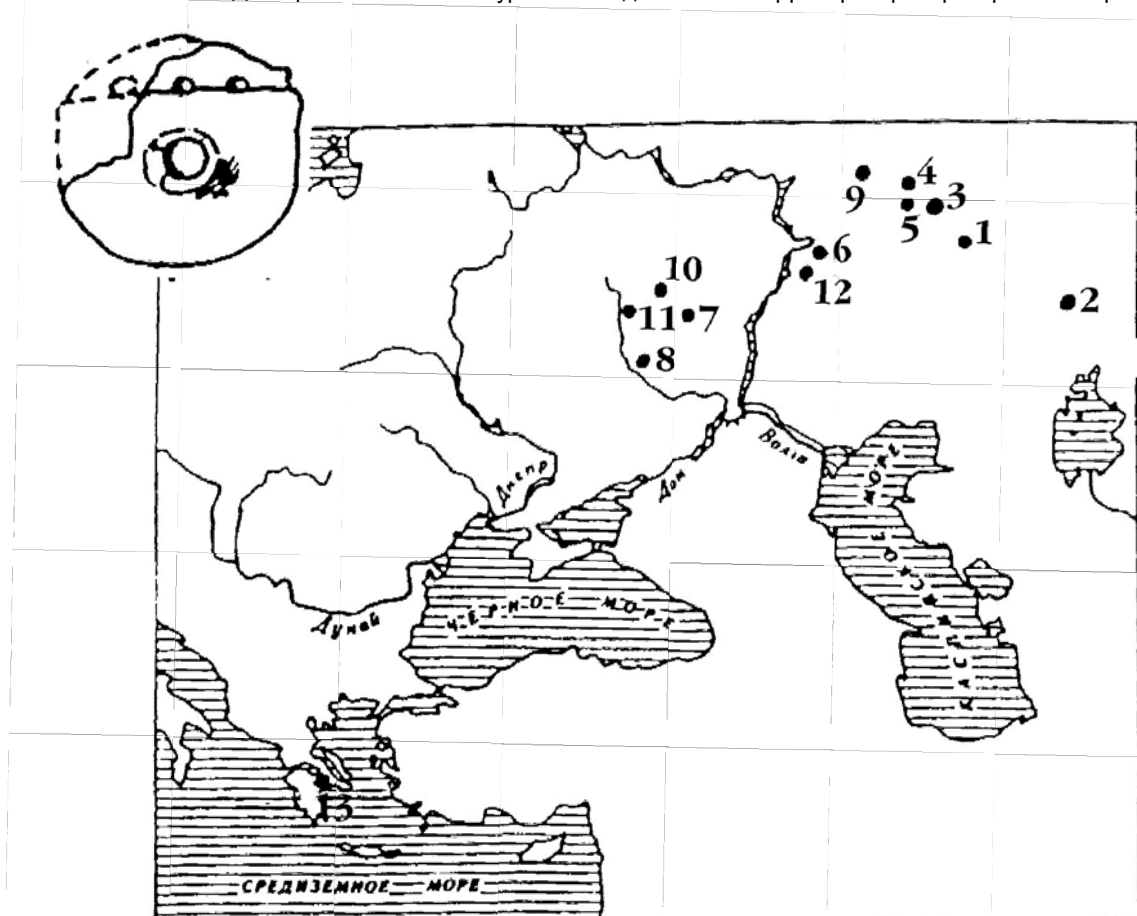
упряжи (дисковидных псалиях), существенно? После выхода в свет полных публикаций ряда памятников – комплекса Синташта, Потаповского курганного могильника, могильников Селезни 1 и Селезни 2 и др., появилась возможность еще раз обратиться к этому материалу. Важным значением при этом обладает тот факт, что погребение, как законченный закрытый археологический комплекс, дает яркое представление как о мировоззренческих стандартах общества, так и частично о его материальной культуре. То есть, используя данные погребально-обрядового комплекса, можно очертить круг духовно-значимых материальных ценностей той или иной культуры или конгломерата культур, разделенных между собой зачастую довольно большой территорией, но, как правило, имеющих единую прародину.

В ранее предложенной автором классификации дисковидных псалий с шипами (Гончарова Ю.В. 1996) уже говорилось об основном признаке, который делит весь известный нам материал на два основных типа: 1. Псалии с монолитными шипами; 2. Псалии со вставными шипами. Первый тип предметов распространен на всей территории от Южного Зауралья

до Румынии и Греции (карта 1), тогда как концентрация второго типа наблюдается в основном на территории Волго-Донского междуречья (карта 2) (единичные находки происходят с территории Румынии). Следует отметить, что псалии со вставными шипами, как правило, орнаментированы и больших размеров. Они считаются парадным эквивалентом псалиев с монолитными шипами (Пряхин и др. 1998; Кузьмина 1994: 171 — 180).

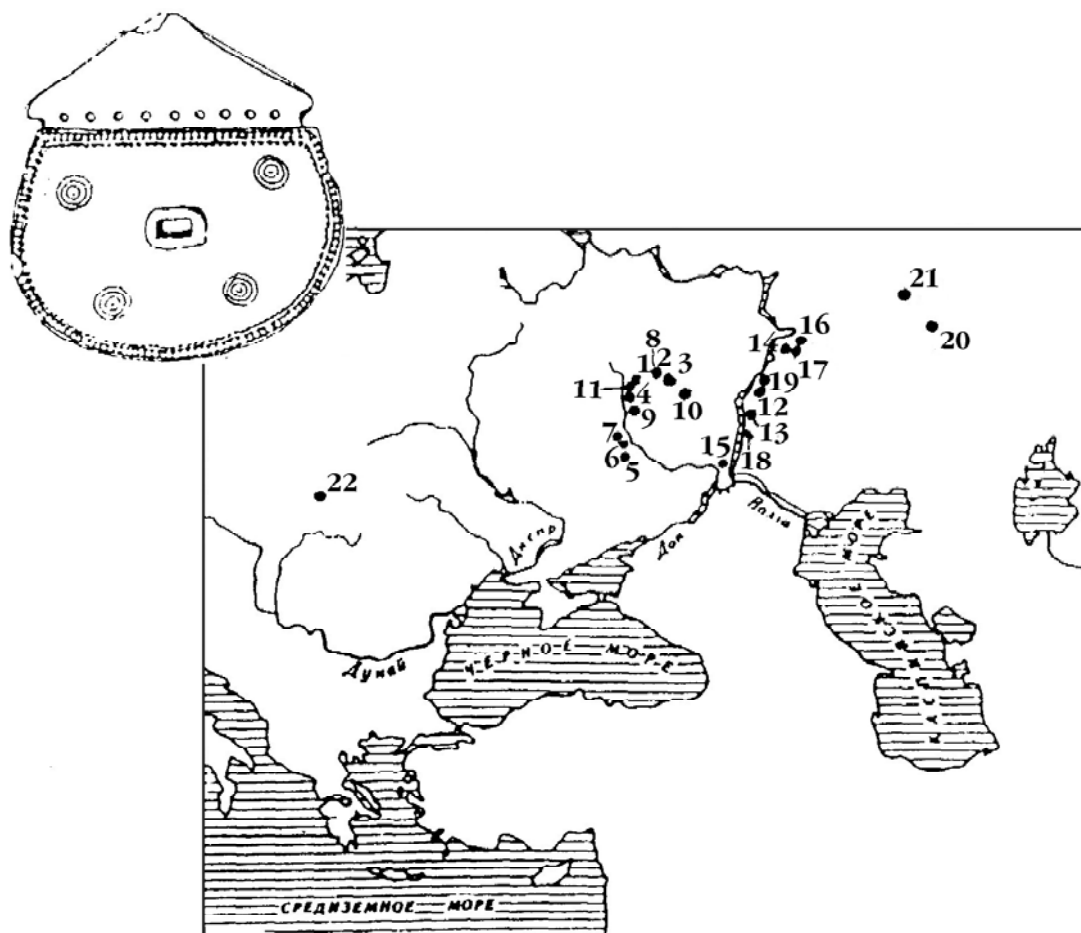
Отталкиваясь от этой географической схемы, мы и попытаемся проследить соотношение самого факта использования этого вида упряжи с культурным фоном, в основном, на примере двух параметров: обряда и керамики, обнаруженной в погребениях с дисковидными псалиями.

Сейчас уже известно, что интересующие нас предметы встречаются в подкурганых, реже – грунтовых центральных захоронениях, выделяющихся своими крупными размерами, богатым инвентарем с обязательным наличием оружия и значительным количеством жертвоприношений животных – особенно шкур коней (черепки и конечности животных). Основные находки были сделаны на территории распространения трех

Карта 1. Погребения с дисковидными псалиями с монолитными шипами (I тип):

1. Синташта; 2. Берлик; 3. могильник Каменный Амбар; 4. Большекараганский могильник; 5. могильник Солнце II; 6. VI Утевский могильник; 7. Большедмитриевский; 8. Софьино; 9. IV Тавлыкаевский могильник; 10. Селезни-2; 11. Филатово; 12. Потапово; 13. Микены.

Карта 2. Погребения с дисковидными псалями со вставными шипами (II тип): 1. Старо-Юрьево; 2. Селезни-1; 3. Селезни-2; 4. Введенка; 5. Кондрашовка; 6. Кондрашкинский; 7. Богоявленский; 8. Пичаевский; 9. I Власовский могильник; 10. Большедмитриевский; 11. Филатово; 12. Старицкое; 13. Березовский могильник; 14. Красноселка; 15. могильник Бараново; 16. VI Утевский могильник; 17. Потапово; 18. Краснопольский могильник; 19. могильник Бородаевка II («Калмыцкая гора»); 20. Синташта; 21. могильник Каменный Амбар 5; 22. Oarta de Sus.

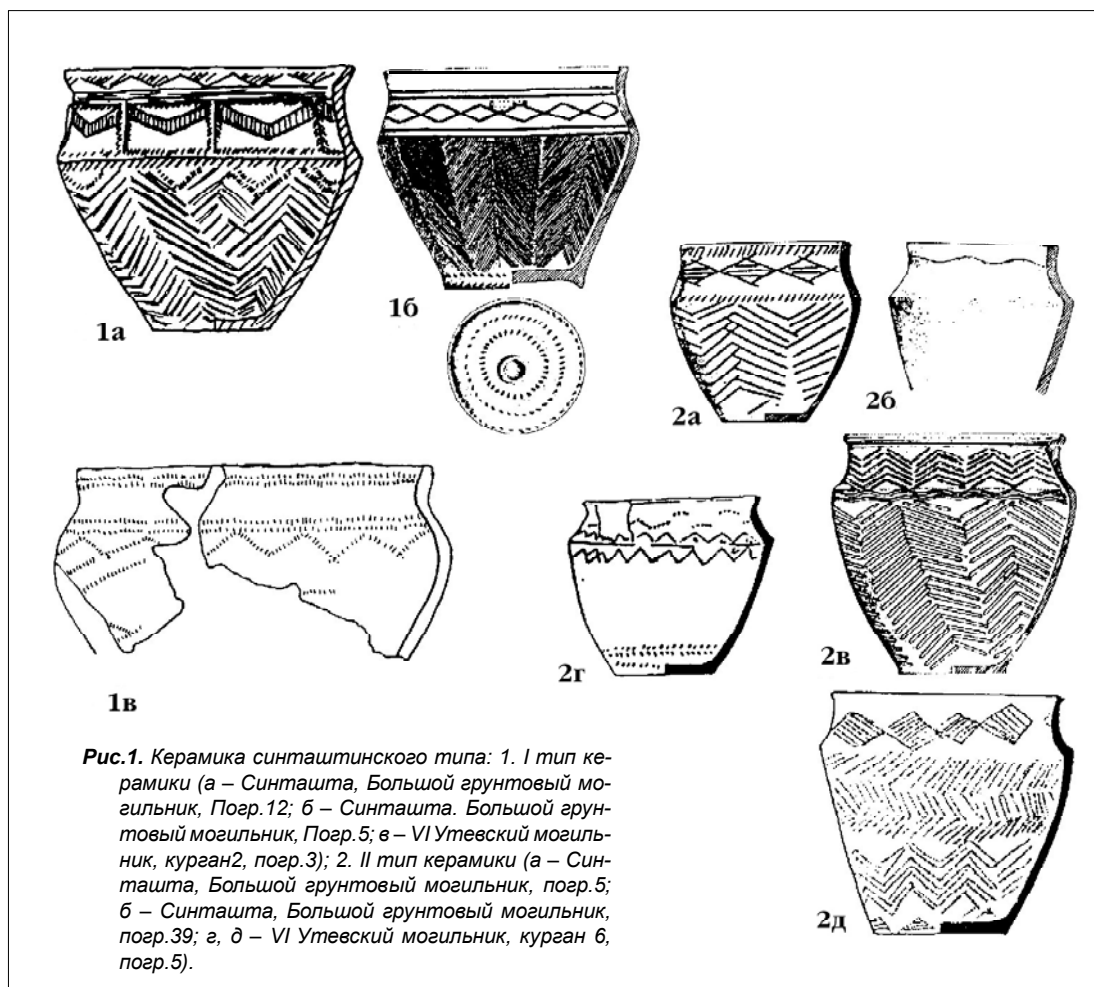
культурных типов: 1. синташтинский и петровский; 2. потаповский; 3. покровский. Кратко остановимся на характеристике материалов по этим трем группировкам.

I. Здесь было исследовано 14 погребений на могильниках: Берлик (Зданович 1988: 71-78), Синташта – Большой грунтовый могильник, Малый грунтовый могильник, Комплекс грунтовых и курганных захоронений (Генинг и др. 1992: 111-242, 302, 268), Большекараганский могильник близ городища Аркаим (Боталов и др. 1996), могильник Солнце II (Епимахов 1996), могильник Каменный Амбар 5 (Костюков и др. 1995). Для характеристики керамики из интересующих нас погребений мы решили воспользоваться типологией, созданной на основе находок с городища Аркаим (Зданович 1997; Петров 1996). Авторы выделяют четыре основных типа, характерных для этого городища, и, хотя они и отмечают, что, по видимому, одинаковых наборов керамической посуды даже на близко расположенных и однокультурных объектах не существовало (Зданович 1997), общие черты выде-

ленных ими типов присущи практически всем встреченным в рассматриваемых погребениях сосудам. Типы эти следующие:

1. Горшки с широкой горловиной, относительно узким дном, с короткой шейкой, оттянутой наружу и образующей внутреннее ребро на месте перехода к плечу. Переход резкий, часто с внешней стороны подчеркнут ребром, реже – имеет сглаженную плавную форму. Орнамент покрывает весь сосуд или большую его часть и обязательно подчеркивает горловину и зоны изгиба плечо-тулово (широкие желобки, заштрихованные наклонными оттисками гребенчатого штампа; горизонтальные каннелюры, иногда образуют волнообразный рисунок; геометрические знаки – треугольники, ромбы, меандры; по линии излома плечо-тулово встречаются парные и одиночные налеты).

2. Сосуды яйцевидной формы с плоским дном и с высокой прямой или отогнутой шейкой, на которой выделен дугообразный прогиб изнутри и внутреннее ребро при переходе к плечу. Орнамент бедный, либо совсем отсутству-

Рис.1. Керамика синташтинского типа: 1. I тип керамики (а – Синташта, Большой грунтовый могильник, Погр.12; б – Синташта, Большой грунтовый могильник, Погр.5; в – VI Утевский могильник, курган2, погр.3); 2. II тип керамики (а – Синташта, Большой грунтовый могильник, погр.5; б – Синташта, Большой грунтовый могильник, погр.39; в, д – VI Утевский могильник, курган 6, погр.5).

ет, нанесен штампом или грубой гребенкой, изредка используется желобчатая техника, достаточно небрежная (линии наклонных насечек, защипы по краю венчика, рисунок в виде прямоугольной решетки и длинных вертикальных полос, геометрические знаки – равнобедренные треугольники, с небрежной штриховкой, образующие одиночные пояски на плече сосуда).

3. Горшки с высокими прямыми шейками и коротким плечом, переходящим в тулово через уступ. Орнамент в основном покрывает верхнюю часть сосуда (гребенчатый штамп, отпечатки веревки, горизонтальные линии, зигзаг, треугольники, редко – меандр).

4. Банки со стянутым устьем крупной яйцевидной формы и плоским дном. У горловины стенки сосудов имеют утолщения. Орнаментированным бывает как все тулово, так и только верхняя часть сосуда (желобки, наклепные валики, гребенчатый штамп, на тулове – вертикальный зигзаг или волна).

В погребениях с дисковидными псалиями

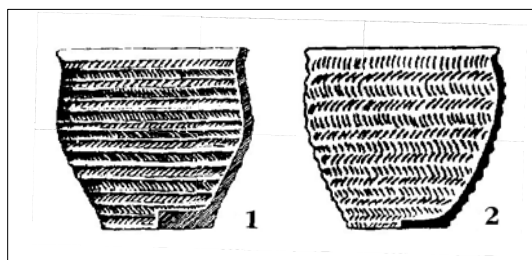
встречаются в основном только первые два типа сосудов. Причем первый тип преобладает¹ (рис.1). Практически все они имеют богатую орнаментацию по всей поверхности сосуда. Исключение составляют лишь несколько предметов из погребения 8 кургана 2 могильника Каменный Амбар 5 и Большекараганского могильника, курган 24 погр.2. Здесь наряду с керамикой с ярко выраженными синташтинскими особенностями присутствуют сосуды с чертами орнамента характерного для петровского типа культуры, которые в свою очередь представлены на керамике из центрального погребения кургана 10 могильника Берлик. Это достаточно бедная орнаментация по сравнению с описанной выше, по линии плечика и горла идет мелкозубчатый и крупнозубчатый штамп, образующий строгие геометрические фигуры – параллельные линии, равнобедренные треугольники, волны и т.п.; широкие и узкие желобки, оттеняющие переходы горло-шейка, шейка-тулово, тулово-дно. Один из сосудов из могильника Бер-

¹ В связи с этим примечательно замечание Петрова Ф.Н. (1996) о том, что 2 тип керамики встречается только во внутреннем круге жилищ городища Аркаим, а 3 – только во внешнем, тогда как 1 и 4 типы распространены на всей территории памятника. Это несомненно свидетельствует о существовании определенного ранжирования керамики. Но говорить подробнее об этом будет возможно только после подобного разбора материалов остальных памятников.

лик имеет кубовидную форму и небольшой поддон, что ни разу не встречается в рассматриваемых погребениях синташтинского типа, и является нередкой находкой на памятниках Волго-Донского междуречья. Особо следует отметить и небольшой острореберный сосудик, обнаруженный в погр.2 кургана 24 Большекараганского могильника, который авторы характеризуют как петровский компонент в данной погребении (Боталов и др. 1996). Но здесь нужно вспомнить о подобных сосудиках как с пышной орнаментацией (Нижнее Поволжье) так и вовсе без нее (как в данном случае), которые так же являются характерным признаком покровского типа культуры (Беседин 1996; Пряхин и др. 1998). На ранней стадии культуры они встречаются на поселениях, позже их находки происходят только из погребений.

Подобные аналогии на основе формы и орнамента керамики, в частности на примере материалов городища Аркаим, проводит и Г.Б.Зданович (1997). Он отмечает сходство отдельных типов посуды в керамике культуры многоваликовой керамики, в катакомбных и полтавкинских древностях, абашевских и раннесрубных культурах. Значительное сходство материала в целом дают находки баланбашской (абашевской) культуры Приуралья, петровской и раннеалакульских культур. В свою очередь, нельзя не отметить значительное сходство керамики из погребений с дисковидными псалиями территории распространения потаповского типа памятников.

II. Два погребения Потаповского курганного могильника (курган 3 погр.4, курган 5 погр.8) (Васильев и др. 1994: 22-25, 32-34) и три VI Утевского могильника (курган 6 погр.5, 4, курган 2 погр.3) (Васильев и др. 1995). Керамика здесь представлена горшками с трехчленным делением тулова и ребром-уступом, расположенным в верхней трети сосуда (иногда оно сглажено) (рис.1). Орнамент – мелко зубчатый и крупнозубчатый штамп, образующий либо елочку, либо равнобедренные треугольники или ромбы с небрежной штриховкой внутри по линии шейка-тулова или на самой шейке (курган 6 погр.5 VI, Утевский могильник: рис.1, 2 г, д), прочерченный орнамент, образующий рисунок елочки на тулове и линии зигзага на шейке (синташтинские черты). Поразительное сходство ор-

Рис.2. 1. Синташта. Большой грунтовый могильник погр.5; 2. VI Утевский могильник, курган 6 погр.4.

намента демонстрируют сосуды из кургана 6 погр.4 VI Утевского могильника и погребения 5 Большого грунтового могильника Синташтинского комплекса. Вся поверхность сосудов покрыта широкими желобками, заштрихованными наклонными оттисками гребенчатого штампа, которые образуют визуальную горизонтальную елочку (рис.2). Но форма этих сосудов различна. Кроме того, в этом погребении на одной из стенок погребальной камеры обнаружен отпечаток округлого предмета. Исследователи могильника считают его отпечатком колеса колесницы, и в этом случае это единственная находка остатков колесницы в погребениях на территории Волго-Дона (Васильев И.Б. и др. 1995).

На явное присутствие уральского компонента в керамике потаповского типа указывает сходство сосуда из кургана 2 погр.3 VI Утевского могильника с первым типом по приведенной выше классификации материала из городища Аркаим (рис.1, 1в). А, в свою очередь, о волгодонских или покровско-абашевских чертах говорит присутствие у этого же сосуда, как и у некоторых других, примеси раковины в тесте. В целом же исследователи выделяют распространение здесь типа сосудов горшковидной формы, которые выполнены по зауральским образцам на месте, с заменой примеси талька в тесте (характерно для синташтинской традиции) на толченую раковину, что говорит о слиянии местной и привнесенной традиций изготовления керамики (Отрощенко В.В. 1998). Чисто зауральские экземпляры здесь встречаются достаточно редко.

Примечательным является и тот факт, что в памятниках этого типа в основном распространены дисковидные псалии с монолитными шипами (из 14 предметов – 10). При этом круглая форма щитка без выделенной планки встречается только среди материала Потаповского могильника, тогда как для псалиев из VI Утевского могильника характерна овальная форма щитка с выделенной планкой (очень интересное различие, но пока нельзя говорить о его хронологической или культурной особенности).

Псалии со вставными шипами представлены четырьмя экземплярами, причем два из них нельзя безоговорочно отнести к этому типу предметов. Так, у псалия из кургана 3 погр.4 Потаповского могильника вставным является только один из шипов, который был сделан, по видимому, позже и является примером ремонта предмета (рис.5, 5,6). Он составляет пару с псалием с круглым щитком и монолитными шипами. На псалии из кургана 6 погр.5 VI Утевского могильника один из шипов также вставной, но сам псалий орнаментирован врезными линиями по краю щитка, что характерно для этого материала, распространенного на территории покровского культурного типа. Подобный экземпляр с круглым щитком и выделенной планкой происходит из кургана 2 погр.8 могильника Каменный Амбар 5. Он так же имеет один встав-

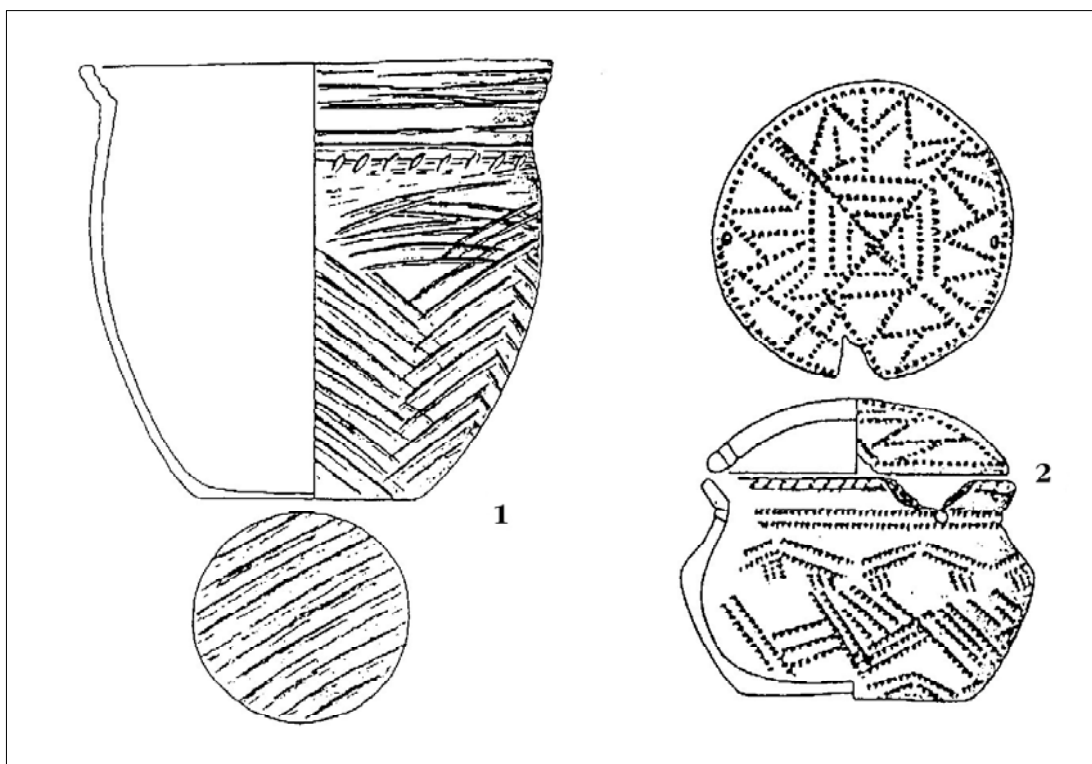

Рис.3. 1. Колоколовидный сосуд (Селезни – 2 курган 1 погр.4); 2. Острореберный сосудик (Селезни – 2 курган 1 погр.2).

ной шип и орнамент на хорде выделенной планки – зигзаг, выполненный с помощью врезных треугольников. Этот орнамент распространен как на псалиях, так и вообще на предметах из кости на покровских памятниках – например, курган Березовка (Дремов 1997) (рис.5,4). Кроме того, на некоторых экземплярах из Синташтинского комплекса так же присутствуют отдельные вставные шипы (комплекс грунтовых и курганных захоронений погр.14, Большой грунтовый могильник погр.30). Всего из 26 предметов 4. Только одна пара псалий из кургана 5 погр.8 Потаповского могильника является явным аналогом так называемому «Староюрьевскому» типу псалий, распространенному, как уже отмечалось, в волго-донской или покровско-абашевской культурной общности. По принятой нами классификации это второй тип псалий.

Многие исследователи отмечают принципиальное сходство потаповских и синташтинских памятников как на основе обряда, так и типов артефактов обеих культур. В.В. Отрощенко (1996) объединяет их в единую синташтинскую культуру. Более конкретно, на основании подробного разбора стратиграфических данных Потаповского могильника, он подразделяет этот тип памятников на несколько культурно-хронологических групп погребений. Самую позднюю из них автор определяет как потаповский локальный вариант памятников синташтинской культуры. Кроме того, он приходит к выводу о «генетическом характере связей» между пота-

повскими и покровскими памятниками, предлагая видеть в этом факте отражение миграции с востока на запад (Отрощенко 1998). Другой точки зрения придерживаются П.Ф. Кузнецов (1996) и А.Д. Пряхин (1996, 1998). Основываясь на стратиграфических данных поселений, они говорят о миграции прямо противоположного направления с запада на восток. В.В. Цимиданов (1996), опираясь на сходство формы щитка псалий из VI Утевского могильника, некоторых псалий Синташты, Каменный Амбар 5, Берлик и др. и нескольких экземплярах со вставными шипами из этих памятников, также склонен считать это проявлением западного влияния на востоке. Кроме того, он приходит к выводу об автохтонном формировании военной элиты на данной территории. Но нам кажется, что основываться на типологических признаках псалий как на хронологическом индикаторе, как уже упоминалось выше, пока нельзя. Правда, даже на основе приведенного описания встречающихся типов дисковидных псалий, можно сделать вывод о значительной близости двух рассматриваемых типов культур. Но нельзя отрицать, правда, незначительное влияние и покровского компонента на материалы рассматриваемых памятников Среднего Поволжья, что вполне может объясняться культурными контактами, а не миграцией племен с запада на восток.

Попытаемся это проследить на материалах погребений с дисковидными псалиями покровской или, по определению А.Д.Пряхина

и А.Т. Синюка, волго-донской или покровско-абашевской культурной общности.

III. Всего на этой территории было обнаружено 42 псаля в 18 погребениях. Это Филатовский курган погр.1,3; I Власовский могильник, (Синюк, Козмирчук 1995); Софьинская курганная группа курган 4 (Пряхин, Матвеев 1988:114); Березовский могильник, Курган 3 погр.2 (Дремов 1997); IV Тавлыкаевский могильник, Курган 3 погр.2 (Васюткин и др. 1985); Пичаевский курган погр.1 (Моисеев, Ефимов 1995); курган Красноселка (Пряхин, Беседин 1992); Староюрьевский могильник, Курган 2 (Пряхин 1972); Селезневский 1 могильник, Курган 1 (Моисеев 1996); Селезневский 2 могильник, Курган 1 (Пряхин и др. 1998); курган Кондрашовка (Латынин 1965); Краснопольский могильник, курган 2 погр.4 (Малов 1983); Кондрашкинский курган погр.1 (Пряхин и др. 1989: 17); Богоявленский курган (Пряхин, Беседин 1992); Большедмитриевский могильник, курган 1 погр.4, курган 4 погр.1 (Матюхин 1994); курган Старицкое (Дремов 1991); Введенский курган (Синюк, Килейников 1976). Керамический материал в них так же представлен достаточно ярко. В основном, это горшки различных форм, в меньшей степени острореберные сосудики.

На основе материала из поселений исследователями были выделены следующие основные типы керамики (Пряхин и др. 1998, Синюк 1996: 191, Васильев и др. 1996):

1.Подколоколовидные сосуды с овальным туловом и резко отогнутым венчиком, образующим на внутренней поверхности ребро;

2.Подколоколовидные горшки с невысоким прямо расположенным венчиком;

3.Горшки со сложным венчиком.

В целом для сосудов этой культуры характерны следующие черты: колоколовидность, сочетающаяся с вытянутостью пропорций; большой процент примеси толченой раковины и органических материалов в тесте; обработка поверхности широкими расчесами; простая орнаментация. Широко представлен орнамент из горизонтальных прочерченных линий, которые часто оконтуриваются боковыми вдавлениями палочкой или крупным зубчатым штампом. При помощи этой же техники создавались узоры в виде елочки, треугольников, волнистых поясков и зигзагов, волнистых линий. Изредка присутствует и желобчатая техника наравне с налпами небольших валиков. Кроме того, довольно часто встречаются насечки, идущие по краю венчика. Орнамент из геометрических фигур, как правило, расположен в верхней части сосудов, на шейке и линии плеча, часто бывает урашено и дно сосудов.

В интересующих нас погребениях весь керамический материал представлен в основном первым типом сосудов с характерной орнаментацией (рис.3). Особый интерес представляет сосуд, обнаруженный в погребении 4 кургана 2

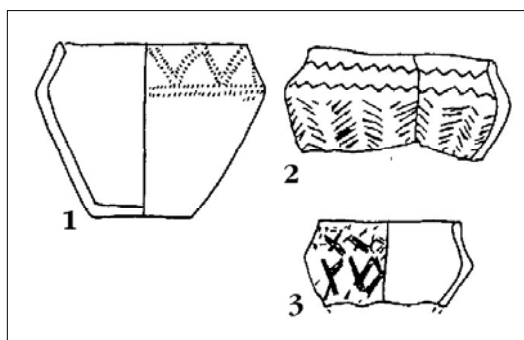

Рис.4. 1. Краснопольский могильник, курган 2 погр.4; 2. Потаповский могильник, курган 5 погр.8; 3. Каменный Амбар 5, курган 2 погр.8.

Краснопольского могильника, аналогии форме которого можно найти в Потаповском могильнике (курган 5 погр.8) и могильнике Каменный Амбар 5 (курган 2 погр.8). Своеобразие двух последних погребений уже отмечалось выше. Напомним, что именно здесь были обнаружены псаля со вставными шипами и орнаментацией, распространенной на характерных для покровского круга памятников псалях. Указанный сосуд — баночной формы со стянутым краем венчика и выделенным острым ребром при переходе плечо-тулово. У сосуда из Краснопольского могильника орнамент расположен по линии шейки, а в тесте присутствует примесь раковины. Два других украшены в традиции синташтинской культуры, но у одного из них (Потаповский могильник) орнамент при этом прочерченный (рис.4). Сосуды подобной формы встречаются в полтавкинских погребениях, распространенных в низовьях Волги и Дона (Кияшко 1998). И хотя между этими культурами существует значительный хронологический разрыв, некоторые авторы отмечают определенное сходство древностей, в частности, полтавkinской и потаповской культур Среднего Поволжья (Кузнецов 1996), которое, по-видимому, обусловлено общей генетической преемственностью культур позднего бронзового века.

Довольно часто в погребениях встречаются острореберные сосудики, у которых ребро расположено на середине или ниже середины общей высоты. На многих из них довольно часты отверстия, расположенные у венчика, служившие, как сейчас считается, для крепления крышки². Они, как правило, пышно орнаментированы прочерченными линиями, оттисками тонкого шнура и мелкозубчатого или крупнозубчатого штампа, что образует замысловатый геометрический рисунок по всей поверхности сосуда, в том числе часто и на его дне. У одного из экземпляров из могильника Селезни 2 (курган 1 погребение 2) присутствует крышка, которая так же, как и сам сосудик, покрыта оттисками крупнозубчатого штампа, что образует сложную

² Благодарю Э.С. Шарафулинову за консультацию как по этому, так и по многим другим вопросам.

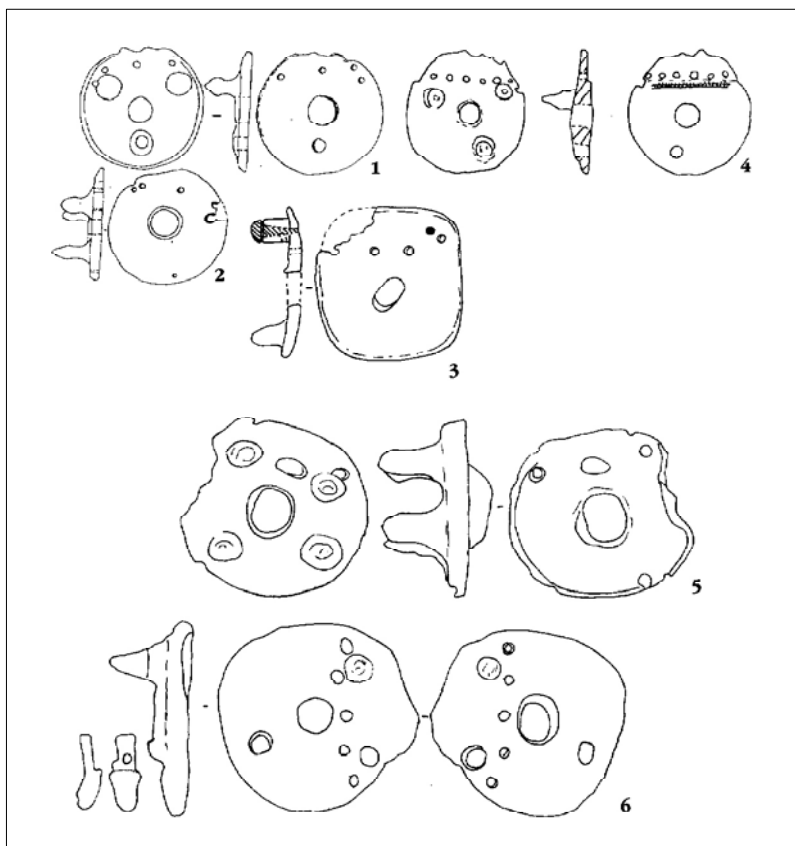
асимметричную композицию (рис.3,2). Здесь следует особо выделить несколько находок из погребений Филатовского кургана, где у остро-реберных сосудиков нет примеси раковины в тесте. Форма, как отмечают исследователи, аналогична древностям КМК, а орнамент присущ развитой срубной культуре (Синюк, Козмирчук 1995). В этой связи интересна находка из Софьинской группы – погребения из кургана 4, где, как отмечают авторы раскопок, подобный предмет имеет как по форме, так и по орнаментации уменьшенный срубный облик (Пряхин, Матвеев 1988: 114). Нельзя не упомянуть и о некотором восточном влиянии, которое прослеживается лишь на ряде рассматриваемых памятников. Это два погребения из Филатовского кургана (погр.1, 2) и I Власовского могильника Курган 16 погр.4. Здесь, наряду с чисто абашоидной керамикой, наблюдается смешение различных гончарных традиций. Так на сосудах с формой, присущей керамике покровского типа, присутствует раннеалакульский орнамент, причем в тесте этих предметов из двух указанных погребений нет примеси раковины.

Керамика из погребения 1 Филатовского кургана характеризует, по мнению авторов раскопок, своеобразный центр, в котором смешались различные традиции. Наряду с рассмотренным примером, здесь были найдены сосуды, которые исследователи считают примером смешения восточных и западных традиций и разных хронологических групп. К первым можно отнести

ти горшки с раннеалакульским орнаментом (определение исследователей кургана) и формой (особенно выделенный поддон) наряду с примесью раковины в тесте – покровскими признаками. Такова же петровская форма сосуда с покровским орнаментом. О разновременных сочетаниях свидетельствует сосуд срубной формы с покровским декором. На этом фоне существуют уже описанные выше сосудики с формой, характерной для КМК, и орнаментом, который станет распространенным в срубной культуре, без раковины в тесте.

Здесь же наблюдается сосуществование и двух типов псалий. В погребении было обнаружено две пары псалиев. Одна из них со вставными шипами и характерным орнаментом, тогда как у предметов второй выделяется круглый щиток и по три монолитных шипа. Исследователи отмечают, что один из шипов у каждого – вставной, хотя на рисунке это заметно только у одного из предметов (Синюк 1996: 200). Судя по всему, это так же является следствием ремонта их в древности, как в описанных выше случаях (рис.5,1,2).

В погребении 3 этого же кургана наряду с парой псалиев второго типа, присутствует дисковидный псалий с монолитными шипами. Но у одного из них есть вставная шпелка, которая явно служила в качестве эквивалента изношенного или обломанного кончика монолитного шипа (рис.5,3). Такое же сосуществование двух типов псалий наблюдается в Селезневс-

Рис.5. Дисковидные псалии смешанных типов: 1,2. Филатовский курган погр.1; 3. Филатовский курган погр.3; 4. Каменный Амбар 5 курган 2 погр.8; 5, 6. Потаповский могильник, курган 3 погр.4.

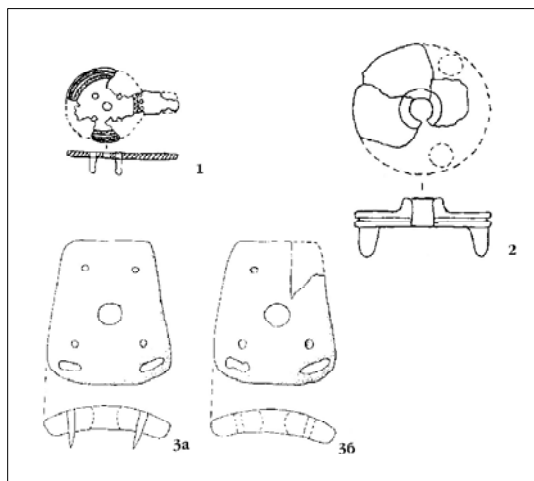

Рис.6: 1. Могильник Бородаевка II («Калмыцкая гора») курган 1 погр.21; 2. Зардчахалифа; 3, а, б. *Carta de Sus*.

ком 2 могильнике (курган 1 погр.4). Здесь наряду с двумя парами дисковидных псалиев со вставными шипами, характерным орнаментом и дополнительным отверстием в боковой плоскости, обнаружен обломок псалия с монолитными шипами. В этом же кургане в погр.1 был найден сосуд горшковидной формы с четкими признаками колоколовидности, с небольшой примесью раковины и органики. Внешняя поверхность его заглажена, на внутренней есть следы расчесов. А.Д. Пряхин (1998) отмечает своеобразие техники изготовления этого сосуда. Она заключается в дополнительной подмазке из глины с примесью мелкого песка, по которому сделаны ногтевые зацепы. Эта техника свойственна для позднекатакомбной и многоваликовой керамики. Кроме того, в трех погребениях, относящихся к этой культурной общности, обнаружены дисковидные псалии только первого типа (с монолитными шипами) – Большедмитриевский могильник, IV Тавлыкаевский могильник и Софьинская курганная группа памятников. Последнее погребение исследователи относят к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры (Пряхин, Матвеев 1988: 114). В этом же погребении был найден сосуд с яркими покровскими чертами и орнаментированный рядами параллельных линий, выполненных в желобчатой технике, идущих по шейке сосуда, что достаточно часто встречается на керамике синташтинского культурного типа.

Всего же находок псалиев первого типа, происходящих с данной территории, известно немного. Если исключить из общего списка два описанных выше экземпляра, которые вызывают определенное сомнение, то это 6 из 40. Но это значительно больше числа находок псалиев II типа на синташтинских и потаповских па-

мятниках (т.к. на последних практически все предметы относятся к смешанному типу).

Особо нужно выделить находку псалия в кургане 1 погр.21 могильника Бородаевка II («Калмыцкая гора») (САИ В 1-10 1993: табл.9, 12). Здесь наряду с типичным покровским сосудом был обнаружен псалий с вставными шипами и характерным орнаментом. Но форма его близка уже следующему, так называемому алакульскому бесшипному типу псалиев. Для него характерно наличие выделенной вытянутой планки. Пока это единственная подобная находка, которая представляет собой переходный этап, от одного типа предметов к другому, бытовавшему в более позднее время (рис.6, 1).

Таким образом на примере керамического материала мы, по-видимому, имеем две культурные традиции. Они несут в себе черты различия, но довольно значительны и элементы их сходства, что особенно заметно на фоне общности системы погребального обряда, распространенного в период конца средней – начала поздней бронзы на рассматриваемой территории. Выше мы уже отмечали общие характерные для него черты. Хотелось бы остановиться на этом явлении подробнее.

Все рассматриваемые комплексы относят либо к погребениям военной элиты, либо непосредственно к захоронениям воинов-колесничих, основываясь на находках в них колесниц или дисковидных псалиев в качестве замены первых. Но здесь нельзя не согласиться с мнением А.Д. Пряхина (1998) и И.М. Малова (1991) о том, что в настоящее время вполне оправдана тенденция к дифференциации социально-престижных захоронений, связанных с наличием престижной или культовой атрибутики вещей. Ранг погребенного связывают с частотой встречаемости соответствующих предметов в погребении (наконечников копий, каменные топоры, навершия булав, псалии, украшения и т.д.). Мы присоединяемся к мнению этих исследователей в том, что такой подход является упрощенным. Как нам кажется, подобная дифференциация существует и внутри самих погребений с дисковидными псалиями. Мы попытаемся продемонстрировать это на примере погребений, происходящих из одного и того же комплекса. Предметы, взятые из одного погребального комплекса, уже представляют собой типологически завершенную картину.

Самыми распространенными предметами инвентаря в захоронениях являются каменные наконечники стрел, бронзовые ножи (часто в паре с шилом) и тесла. Если исключить этот материал из рассмотрения и свести в таблицу только те вещи, которые достаточно редко встречаются в погребениях этого времени, то мы получим следующую картину:

Табл. Погребения с дисковидными псалями.

	Копьё	Булава	Топор	Кост. наконечник стрелы	Костяная лопаточка	Бр. обкладка сосуда	Пряжка	Серп	Бр. навершия стрекал
Синташта. Большой грунтовый мог. Погр. 5.									
Погр. 11								+	
Погр. 12									
Погр. 30	+			+					
Погр. 39		+	+						
Филатово Погр. 1				+	+		+		
Погр. 3									
Большекараганский К.24, Погр. 1	+					+			
Погр. 2						+			
Каменный Амбар 5 К.2, Погр. 5									
Погр. 6	+								
Погр. 8		+				+			
Селезни - 2 К.1, Погр. 1		+							+
Погр. 2									+
Погр. 3	+						+		
Погр. 4							+		

Из таблицы видно, что предметы, которые традиционно относят к инсигниям власти, никогда не повторяются в погребениях одного и того же комплекса. Мы намеренно поместили в таблицу погребения, в которых отсутствуют какие-либо неординарные вещи. Это, как нам кажется, может наглядно продемонстрировать существование неких сопроводительных захоронений (Селезни – 2, Филатово, Большекараганский). Некоторым доказательством этому может служить и зафиксированная последовательность совершения захоронений в кургане Селезни – 2. В начале были сделаны погребения 3 и 4, позже 1 и 2, что прослеживается стратиграфически на выкидах из этих комплексов. После этого все захоронения были перекрыты единой насыпью (Пряхин и др. 1998). По-видимому, о их временной связи говорит и наличие одинаковых предметов в инвентаре, что так же отражено в таблице. Это в первом случае – пряжки, во втором — бронзовые навершия стрекал. При этом предметы-инсигнии власти встречаются только в одном погребении из каждой пары. На основе этих данных подобный вывод можно сделать и в отношении погребений из кургана 24 Большекараганского могильника. В обоих захоронениях присутствуют бронзовые обкладки сосудов и только в од-

ном из них есть копье. Но, как уже говорилось выше, разработка этой проблемы зависит от дальнейших исследований.

Общее же сходство погребального ритуала, принятого для захоронений с дисковидными псалями, видимо, является показателем и определенной идеологической общности, о чем говорит в своей статье И.И. Дремов (1997). В поддержку своего мнения он ссылается на доклад В.С. Бочкарева на I Рыковских чтениях (Саратов, 1984), где автор доклада высказал мысль о том, что «распространение унифицированного погребального обряда на такой огромной территории может свидетельствовать о распространении здесь новых религиозных представлений». На примере памятников Нижнего Поволжья И.И. Дремов выстраивает схему перехода от магического культа к религиозным представлениям, который происходит здесь на рубеже средней и поздней бронзы. Это, по его мнению, повлекло за собой быстрое формирование новых культурных традиций, которые, в свою очередь, способствовали формированию срубной культуры. Причем, наиболее значимые из рассматриваемых им погребений покровского времени, содержащие в своем инвентаре предметы-инсигнии власти, такие как копья, деревянные чаши с бронзовыми накладками и др., яв-

ляются, по его мнению, захоронениями сакральных правителей, сочетающих военную и жреческую власть. Но пока прямых доказательств для этих утверждений у нас нет.

Тем не менее, указанное явление распространяется на всей рассматриваемой территории. Его основные признаки – крупные (одно или несколько) центральные захоронения в кургане или отдельном его секторе (например, могильник Каменный Амбар 5), с богатым инвентарем и инсигниями власти, колесницами (синташтинская традиция) или псалиями (покровская традиция, частное как замена целого); круговая планировка остальных погребений вокруг описанных; большая концентрация жертвоприношений целых особей (синташтинская традиция) или шкур животных (покровская традиция) вокруг центральных захоронений. Все это характерно для погребальных комплексов петровского, синташтинского, потаповского и покровского культурных типов. Причем, как отмечает В.В. Отрощенко (1998), наблюдается и постепенное изменение состава памятников на всей территории: в Зауралье – это городища и могильники; на Среднем Поволжье – курганные могильники; на Среднем Подонье – отдельные курганы; на Нижнем Поволжье – отдельные погребения, которые рассматриваются уже в контексте срубной культуры. Следует отметить, что основываясь на такой цепочке, он и приходит к выводу о миграции с востока на запад носителей синташтинского культурного типа.

В связи с последним заключением особенно интересны проведенные в 1997 году раскопки погребения в Зардчахалифе близ Саразма в Таджикистане. Здесь были обнаружены две пары костяных дисковидных псалий первого типа (с монолитными шипами и круглым щитком без выделенной планки) совместно с бронзовыми удилами (Бобомуллоев 1993) (рис.6,2). Кроме того, из этого же погребения происходит находка булавки с навершием в виде лошадки, выполненной в сейменско-турбинском стиле. Описываемый же комплекс представлен в сочетании с керамикой периода Намазга VI, связи с которым так же отмечались неоднократно как на памятниках Средней Азии (см. статью Кутимова Ю.Г. в этом журнале), так и, например, в I Утевском могильнике, где обнаружен приземистый сосуд с овальным туловом и специфическим уступом (выкруткой) у дна. На основе этих и некоторых других характерных признаков О.Д. Мочалов (1996) выдвигает предположение о миграции из Передней Азии на территорию степи и лесостепи Евразии и образовании здесь на этой основе памятников типа Синташты и Абашево. Сейчас же можно утверждать только то, что датировать данное погребение можно XVIII – XVII вв. до н.э., и что это захоронение, по-видимому, является отражением того же единого погребального обряда, в основе которого лежат иные культурные составляющие.

К такому же выводу можно прийти еще в одном случае. Все рассматриваемые погребения, в первую очередь на основании находок в них дисковидных псалий, часто сопоставляются в культурно-хронологическом плане с известным захоронением в IV шахтной гробнице могильного круга А в Микенах. Эта связь настолько разительна, что практически все исследователи пытались привести их к общей исходной точке на основании тех или иных конкретных признаков. Таким признаком, в частности, является орнамент, присутствующий на псалиях и некоторых других предметах из кости и металла. На общей его характеристике последний раз останавливался В.А. Трифонов (1996) в статье, опубликованной в первом выпуске журнала, посвященного методу углеродного датирования – ¹⁴C. В этой статье мы не будем обращаться к этому сложному вопросу.

Более частный разбор, касающийся уже конкретного рассматриваемого материала, проводила в свое время Е.Е. Кузьмина (1978). Она пыталась проследить связь этого комплекса с памятниками восточной Европы на основании аналогий материалов сопроводительного инвентаря. Нам же кажется, что основным критерием здесь должна служить сама общая схема обряда в сочетании с характерным для него предметным набором. IV шахтная гробница расположена в одном из секторов могильного круга А, который обнесен дополнительным каменным кромлехом (Каго 1930). Она отличается от остальных своими большими размерами и, конечно же, наличием двух пар костяных дисковидных псалий первого типа, обнаруженных в ней. В захоронении широко представлено оружие – мечи, наконечники копий, кинжалы, накладки на шлем из клыков кабана и др. Отсюда же происходит находка кольца с изображением охоты на оленя с использованием колесницы. Особый интерес вызывает полный колчаный набор наконечников стрел из обсидиана, который обнаружен только в этом погребении и не является характерной находкой в погребениях Эгейского мира. Форма наконечников близка форме аналогичных предметов КМК. Пара подобных стрел была обнаружена на поселении Саратэ-Монтеору в Румынии, которые, по устному сообщению исследователя памятника, не принадлежат к культуре Монтеору³. Примечателен и факт обнаружения набора доспехов в III шахтной гробнице, расположенной в одном секторе с IV погребением, которая имеет меньшие размеры. В одном из центральных захоронений (погр.1) 2 кургана могильника Каменный Амбар 5 были найдены костяные пластины, которые авторы интерпретируют как панцирные по отверстиям небольшого диаметра, расположенным вдоль длинных сторон предметов (Костюков и др. 1995). Подобные находки никогда

³ Благодарю Захарю Е. за предоставленный материал.

не встречаются в погребениях с дисковидными псалиями.

На основе приведенных фактов можно говорить о существовании неких общих традиций, прослеживающихся в обряде описанного погребения, уникальном для Эгейского мира, и в обрядовой практике погребальных комплексов лесостепи Евразии. Интерпретация появления такого комплекса на микенском памятнике, как нам кажется, должна прояснить дальнейшие исследования с учетом предложенных здесь признаков.

Находки дисковидных псалий в погребениях этого периода на Карпато-Балканской территории нам не известны. Хотя эти предметы встречаются в жертвенных захоронениях коней близ городищ (например поселение Оаэрте де Сус культуры Витенберг (Vogoffka N.G.O. 1994) (рис.6, 3 а б). Сходное погребение с парой ослов, на одном из которых была обнаружена пара бронзовых дисковидных псалий с удилами, относящимися к известному типу псалий из Газы, было раскопано в центре храма среднего бронзового века на телле Харор в Ханаане. Исследователи относят его к ранней фазе строительства храма К-5 (Ogen 1997). Аналогии этому захоронению в круглой яме, в свою очередь, автор находит в погребениях с ослими из теля эль Аджул, которые встречены там совместно с человеческими захоронениями, расположенными в отдельных нишах вокруг круглой центральной камеры с полными костяками животных. Конечно, можно сравнить эти жертвенные захоронения с подобными жертвенными комплексами коней, которые широко распространены, как уже упоминалось, на памятниках степи и лесостепи Евразии. Но, как нам кажется, безоговорочное их сопоставление было бы поспешным, хотя, по-видимому, можно предположить существование некоего общего исходного канона, который претерпевает определенные изменения во времени и пространстве.

Таким образом, очевидно, что мы имеем в Евразийской степи две традиции как в керамическом материале, так и в традиции изготовления самих дисковидных псалий в синташтинском и покровском культурных типах. Они, в свою очередь, объединены одним эпохальным явлением, вызванным, по-видимому, общими идеологическими представлениями, сложившимися к концу среднего бронзового века. Это явление, как мы уже отмечали, — уникально для данного времени. До этого, как на рассматриваемой территории, так и на какой-либо другой, ничего подобного не наблюдается. В более позднее время подобная традиция в несколько измененном виде и уже на более обширной территории вновь проявляется на памятниках кочевнического мира — например, в скифской культуре (курган Аржан и т.д.), что так же неоднократно отмечалось исследователями (например, Савинов 1996).

Что лежит в основе различий двух выделенных традиций — либо этнокультурные компоненты, либо межкультурные взаимодействия, пока что остается не совсем ясным. Помимо теорий различных миграций внутри самих рассматриваемых комплексов. Существенными являются и такие признаки, как например, парадный тип псалиев для предметов со вставными шипами и характерным орнаментом. Основным критерием для них, по-видимому, являлся орнамент и часто вычурная форма щитка, а вставные шипы служили способом для их сохранения. Можно предположить на основе того же самого материала, что территория синташтинской и петровской культуры являлась своеобразным форпостом для внутренней относительно спокойной территории Нижнего Поволжья и Средней Подонья. Это объяснило бы и большой процент погребений-кенотафов на этой территории (напр. Селезневка-2). А керамические и иные различия являются в данном случае всего лишь отражением взаимодействия различных культурных компонентов, которые, по мнению В.С. Бочкарева (1995), являются начальной фазой волго-уральского культурогенеза в период конца средней — начала поздней бронзы. Во всяком случае, как нам кажется, нельзя отказываться и от такого решения проблемы. Хотя какие-либо общие выводы подобного характера возможны только при привлечении всех культурных признаков.

Тем не менее, мы склонны утверждать, что именно на примере погребений синташтинского и петровского культурных типов мы сталкиваемся с наиболее полным составом всего комплекса рассматриваемого погребального обряда. Практически во всех захоронениях присутствуют предметы вооружения, колесницы, целые костяки двух полностью взнузданных коней, богатые сопроводительные жертвоприношения целых особей животных. И чем дальше на запад, тем более размытыми выглядят эти четкие признаки. Они приобретают более волевой характер. Территориально первыми из погребений исчезают дорогостоящие колесницы, которые заменяются простым присутствием предметов упряжи. Следующей заменой становятся шкуры коней (череп и конечности животных) вместо целых особей. Жертвоприношения животных по направлению к Подонью так же выглядят гораздо беднее. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось многими исследователями, на этой территории пока не найдено и следов крупных надмогильных сооружений, подобных, например, конструкции Большого кургана Синташты. Нельзя так же оставить в стороне и тот факт, что дисковидные псалии с монолитными шипами достаточно пассивно распространяются по всей территории степи и лесостепи Евразии от Южного Зауралья до Греции, как на погребальных памятниках так и на поселениях. В то же время псалии со вставными

ми шипами большей частью концентрируются в Волго-Донском междуречье, и отдельные их экземпляры обнаружены на территории Румынии. Причем, как уже отмечалось, количество предметов I типа на памятниках Волго-Донского междуречья больше, чем количество находок II типа среди древностей синташтинского и потаповского культурных типов. Это так же может означать возможную первичность предметов с монолитными шипами, хотя, как уже оговаривалось, у нас пока что нет четких хронологических данных для доказательства этого предположения. Определенным подтверждением этого могут служить находки этого типа предметов в уже описанных неординарных погребениях в Микенах и Средней Азии. Эти находки могут являться своего рода материальным признаком распространения инोकультурной традиции на этих памятниках. В упомянутом в начале данной статьи докладе В.С. Бочкарев говорит, что, «исходя из общих принципов ареальных распространений культурных явлений и общего характера культурной направленности с северо-востока на юго-запад Восточной Европы» можно предположить «типологически более ранний возраст псалий с монолитными шипами».

Таким образом, можно утверждать, что наи-

более целостный вид погребального обряда возникшего в период конца средней — начала поздней бронзы, мы встречаем на памятниках именно синташтинского и петровского культурных типов. На основе разобранного материала можно заключить, что описанная традиция, включая псалии I типа, в достаточно короткий срок распространяется на соседних западных территориях. Здесь она упрощается, приобретает более вотивный характер и, что вполне естественно, впитывает в себя характерные местные черты, что в первую очередь и отражается на наиболее территориально подвижном признаке — керамике. Это, в свою очередь, вовсе не означает и соответствующую смену носителей этой традиции, коими в данном случае, по-видимому, являлась военная элита.

В целом же, исходным положением для дальнейшего исследования двух выделенных культурных традиций, как нам кажется, должны будут служить именно их составляющие в комплексе с общей существующей в это время мировоззренческой системой, что способствовало возникновению двух новых феноменов — срубной и алакульской культур, которые распространяются на данной территории в период позднего бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА.

- Беседин В.И. 1996. Керамика доно-волжской абашевской культуры в системе древностей абашевской общности // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 11 — 13.
- Бобомуллов С. 1993. Раскопки погребального сооружения из Зардчахаифы // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Сер.: Востоковедение, история, филология. № 3 (27): 56 — 63.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 г.) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: 64 — 88.
- Бочкарев В.С. 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы средней и восточной Европы. СПб: 18 — 29.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. — Самара.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1995. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: 5 — 36.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1996. Доно-Волго-Уральская лесостепь на рубеже среднего и позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: 36 — 40.
- Васюткин С.М., Горбунов Н.С., Пшеничнюк А.Х. 1985. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа: 67 — 88.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. 1992. Синташта. Т.1. — Челябинск.
- Гончарова Ю.В. 1996. К вопросу о классификации дисковидных псалий с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб: 34 — 43.
- Дремов И.И. 1991. Погребение из села Старицкое // КСИА, вып.135, 101 — 105.
- Дремов И.И. 1997. Материалы из курганов у с.Березовка Энгельского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Окрана и исследования. Вып.2. Саратов: 146 — 165.
- Епимахов А.В. 1996. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: 22 — 42.
- Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахских степей. — Новосибирск.
- Зданович Г.Б. 1997. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. № 2: 47 — 62.
- Кияшко А.В. 1998. Полтавкинские подбойные погребения низовой Волги и Дона // Нижневолжский археологический вестник. Вып.1: 17 — 28.
- Костоюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: 156 — 207.
- Кузнецов П.Ф. 1996. Проблемы миграции в развитии бронзового века Волго-Уралья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: 40 — 43.
- Кузнецов П.Ф. 1996. Еще раз об особенностях Потаповского курганного могильника // Древности Вол-

- го-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: 122 – 126.
- Кузьмина Е.Е. 1978. Связи Евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н.э. // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: 21 – 23.
- Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? — Москва.
- Латынин Б.А. 1965. Архаические круглые псалии с шипами // МИА СССР. Вып.130. М: 201 – 204.
- Малов Н.М. 1983. Конструктивные особенности псалия из Краснополья // СА. Вып.4: 204 – 209.
- Малов Н.М. 1991. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология восточноевропейской степи. Вып.2. Саратов: 34 – 37.
- Матюхин А.Д. 1994. Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов: 88 – 93.
- Мачалов О.Д. 1996. Юго-западные связи Волго-Уралья и Зауралья в эпоху средней бронзы по данным изучения керамики // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 36 – 39.
- Моисеев И.Б. 1996. Дисковидные псалии из Селезневской парной курганной группы // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 24 – 26.
- Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю. 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: 71 – 81.
- Отрощенко В.В. 1996. Культурная принадлежность погребений Потаповского могильника в Заволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Воронеж: 33 – 36.
- Отрощенко В.В. 1998. О культурно-хронологических группах погребений потаповского могильника // РА. № 1: 43 – 53.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. (САИ, В 1 – 10). Саратов, 1993.
- Петров Ф.Н. 1996. Опыт создания типологии керамики городища Аркаим // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 57 – 59.
- Пряхин А.Д. 1972. Курганы поздней бронзы у с. Старокорьево // СА. Вып.3: 233 – 243.
- Пряхин А.Д. 1996. Некоторые проблемы изучения абашевской культурно-исторической общности на современном этапе // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 4 – 6.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. 1989. Кондрашкинский курган. – Воронеж.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И. 1992. Щитковые (дисковидные) псалии со вставными шипами с территории Восточной Европы // Sbornik Praci Filosoficke fakulty. Brnenske University. N.37: 51 – 60.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья.-Воронеж.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. 1998. Селезни – 2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Донского бассейна. Вып.3. Воронеж: 3 – 30.
- Савинов Д.Г. 1996. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб: 107-111.
- Синюк А.Т. 1996. Бронзовые век бассейна Дона.- Воронеж.
- Синюк А.Т., Килейников В.В. 1976. Курган у села Введенка на Дону // СА. № 1: 159 – 169.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А. 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: 37 – 72.
- Трифонов В.А. 1996. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып.1. СПб: 60 – 64.
- Цимиданов В.В. 1996. Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: 78 – 82.
- Boroffka N.G.O. 1994. Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Südosteuropa. – Bonn.
- Karo G. 1930. Die Schachtgräber von Mykenai. – München.
- Oren E.D. 1997. The «Tingdon of Sharuh» and the Hyksos kingdom // The Hyksos. Philadelphia: 253 – 283.